

DOI: 10.24412/2470-1262-2022-18-27

УДК (UDC) 81.373

Yi-chun Wang,
Chinese Culture University,
Taipei, Taiwan
И-цзюнь Ван,
Университет Китайской Культуры,
Тайбэй, Тайвань

For citation: Yi-chun Wang, (2022).
Lexico-semantic field of «winter»
in D. Rubina's novel «Petrushka's syndrome».
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 7, Issue 1 (2022), pp. 18- 27(in USA)

Manuscript received: 07/02/2022

Accepted for publication: 28 /03/2022

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

**LEXICO-SEMANTIC FIELD OF «WINTER»
IN D. RUBINA'S NOVEL «PETRUSHKA'S SYNDROME»**

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЗИМА»
В РОМАНЕ Д. РУБИНОЙ «СИНДРОМ ПЕТРУШКИ»**

Abstract:

This article is devoted to modeling the lexico-semantic field of “winter” in D. Rubina’s novel “Petrushka’s Syndrome”. The classification and study of the elements of the lexico-semantic field were carried out by using the field technique. The analysis of the materials reveal the structure of the investigated field. The Lexico-semantic field of “Winter”, which is one of the elements of the plot structure, plays a key role in the novel, not only conveying the emotions and state of the characters, but also interpreting the mood and images of this novel. The conclusions of this article can become the basis for further research of the novel “Petrushka Syndrome” in other directions and help to understand the creative idea of Dina Rubina.

Keywords: winter, lexico-semantic field, Dina Rubina, Petrushka’s Syndrome

Аннотация:

Статья посвящена моделированию лексико-семантического поля «Зима» в романе «Синдром Петрушки» Д. Рубиной. Изучение и классификация элементов лексико-семантического поля проводятся с помощью полевой методики. Анализ материала позволил выявить структуру исследуемого поля. ЛСП «Зима» в романе имеет ключевое значение, которое не только является одним из элементов сюжетной структуры, но и передает эмоции и состояние персонажей, интерпретирует настроение и образы данного

романа. Выводы данной статьи могут стать основой для дальнейших исследований романа «Синдром Петрушки» в других направлениях и помогают понять творческую идею Дины Рубиной.

Keywords: зима, лексико-семантическое поле, Дина Рубина, Синдром Петрушки

Введение

Роман Д. Рубиной «Синдром Петрушки» (2010), являясь финальным произведением трилогии «Люди воздуха», посвящен взаимоотношениям кукольника Петра Укусова и его кукольного мира, проявляя его любовную одержимость, болезненную страсть, где теряются границы реального и кукольного миров. Анализируя текст романа, отметим, что концепт «Зима», являясь смысловым содержанием полевой структуры, позволяет передать эмоции и чувств персонажей, их душевные переживания и интерпретировать настроение и образы данного романа. В этой статье мы предприняли попытку выявить лексические особенности романа, проанализировать образы зимы, предоставляющие возможность преломить лексическую систему языка и идиостиль через призму мировосприятия автора.

Обзор литературы

Изучение тематической группы слов «Погода. Времена года», метеорологической лексики, с давних времен привлекает исследователей. В работах ученых [1; 4; 6; 11], метеорологические языковые единицы отражают результат практического и духовного освоения окружающего мира. Работы вышеупомянутых ученых посвящены этимологии, терминологии, поверьям и обрядам, связанным с погодными явлениями. В настоящее время наблюдается повышенный интерес к выявлению и изучению концептов, которые имеют национальную специфику. В. А. Маслова перечисляет ряд концептов: подвиг (Н. Рерих), воля, удаль, тоска (Д. С. Лихачев), душа дом, поле, даль, авось (А. Д. Шмелев), интеллигенция, зимняя ночь, туманное утро, беспредел, новые русские, утечка мозгов и под. [8, с. 70]. В этом ряду образ зимы в русской культуре уникален [12]. Как известно, пространственное повествование в произведениях Д. Рубиной организует важные элементы завязки и переплетения сюжетных линий. Географическая составляющая романа представлена такими объектами, как Эйлат, Самара, Прага, Львов, Иерусалим, Сахалин. Особо отметим, что «пространственная структура ландшафтов Сахалина отличается разнообразием, которое обусловлено характером рельефа и особенностями климата» [3, с. 3]. «В своем романе Д. И. Рубина продолжает традиции А. П. Чехова: холод, снег, ветер, ночь являются показателями необжитости, маргинальности пространства Сахалина в особенности и одиночества, отчужденности, оставленности и бездомности жителей» [5, с. 69]. В этой статье мы будем рассматривать словесный образ зимы не только на Сахалине, но и в другом географическом пространстве этого романа.

Данные и методы

В статье при классификации лексем используется метод контекстуального анализа, лексико-семантический анализ, стилистический анализ и метод обобщения полученных данных. Целью нашего исследования является системное описание лексико-семантического поля «Зима» на материале романа Д. Рубиной «Синдром Петрушки» [10]. Использование полевого подхода помогает выделить языковые особенности писательницы, позволяет читателю глубже проникнуть в художественный мир автора. «По современным представлениям филологов лексико-семантическое поле – это совокупность лексем, обозначающих определенное понятие в широком смысле этого слова, которая включает в свой состав слова различных частей речи» [2, с. 115]. Анализ

ЛСП «Зима» в романе Д. Рубиной «Синдром Петрушка» позволил выделить следующие микрополя лексико-семантического поля «Зима».

1. Зима – природная стихия. В романе приводятся наименования характерных для зимы природных и погодных явлений: *снег (снежный, снежно, снежки, снежинки, снегопад, поземка)*, а также *вьюга, замять, метель, метельный, пурга* и связанные с ними *белые мухи, ветер, ветрено, вихрь, каша, лед, ледяной, мороз, морозец, сугроб, ураган*. Отмечены *разряды молний* и *гром*, сопровождающие сильную метель, а также лексика в составе индивидуально-авторских метафор: *зверь, сволочь, свистопляска*.

2. Восприятие тактильных ощущений зимы: *заиндевелый, заледеневший, заледенеть, задубеть, замерзнуть, замерзший, меховой, мокрый, морозный, оледеневший, отмороженный, оттаять, подледный, подморозить, подтаявший, пушистый, рыхлый, свежий, студеный, суровый, сухой, тающий, таять, холодно, холодный*.

3. Слух и восприятие звука: *оглохший, оглушительный; вой, всплеск, свист, скрип, хрустящий, шорох*; отсутствие звука: *безмолвие, бесшумный, тишина*.

4. Характер зимы: *бесстрастно, голодный, грозно, грозный, густой, дикий, задумчивый, застывший, кулаки, кутерьма, лезвие, летящий, мегатонна, мельтешня, миллиарды, молочный коктейль, мягкий, мятущийся, пелена, пленные, рой, слепой, стена, суровый, стылый, толща, ужасный*.

5. Форма снега: *ком, ком, крупка, труха*.

6. Цвет зимы: *белесый, белый, блекло-серый, голубой, крахмальный, лиловый, молочный, пепел (пепельного цвета, сероватый), серо-молочный, серый, синеющий, синий*.

7. События зимой: елка, праздник, пища: *елка, еловый, елочный, ель; Рождество, рождественский; вкусотища, звездика, глинтвейн, корица, миндаль, пряник, снедь*.

8. Зима в движении, действии: *валить, вертеться, виться, вспыхивать, встать, выдыхать, забиваться, завалить, кружить, куриться, метаться, набрасываться, наметать, обволакивать, обрушиваться, переметать, пожирать, посыпать, разваливаться, раздирать, рухнуть, сытаться, танцевать, уноситься; заваливаться, заваленный, заполненный, запорошенный, засыпанный, повалившийся*.

9. Зимнее освещение: *свет, солнце, блеск; зарница, вспыхивать; темнеть, темень, тьма*.

10. Эмоциональное восприятие зимы:

(1) Зима – память: *запах, вспоминать*.

(2) Зима – смерть: *омертвевший, погребенный, смертельный, конец*.

(3) Зима – безрадостность: *жалоба, небезопасный, проклятый, тоска, унылый*.

(4) Зима – безвыходность, наказание: *закрытый, застрять, ноль (видимости), отрезан, заперт, плен*.

(5) Зима – потусторонний мир: *душа, призрачный, прощенный (о душе)*.

Результаты и дискуссия

1. Картина зимы Дины Рубиной многопланова. Элементом лексико-семантического поля, кроме лексем, являются фразеологизмы и метафорические сочетания: *белые мухи, молочный коктейль*. «Петя стоял у окна с чашкой кофе в руке, смотрел вниз, в глубину тесного двора, заполненного снежной кутерьмой, как стакан – молочным коктейлем. Там играли в снежки три разноцветные курточки, две красные и синяя» [10, с. 175]. Главное основание сравнения, лежащего в основе метафоры, – цвет молока. Но каждая составляющая метафорического образа поддерживается сопоставлением соответствующих деталей. Так, коктейль обычно готовят в миксере – частички молока и воздуха образуют в результате быстрого вращения легкую смесь, подобную смешению хлопьев снега и воздуха, заполнивших закрытый узкий двор, представший взору Пети из окна верхнего этажа, как будто герой смотрит сверху на молочный коктейль, стоящий перед ним. Так обеспечивается не только неожиданность, яркая индивидуальность метафорического образа, но и его достоверность, художественная точность.

2. Необходимо отметить синтез визуальных и тактильных ощущений, передаваемых некоторыми лексемами, помещенными в слабую синтагматическую позицию. Так, слова *меховой, пушистый, сухой, рыхлый* в языке прямо называют определенный признак (например, *меховой* – относящийся к меху [9, с. 354].; *сухой* – не содержащий влаги [9, с. 781]; *рыхлый* – неплотный [9, с. 690]), который может подразумевать и тактильное ощущение. Иногда это даже фиксируется словарными значениями (*Пушистый*. 1. *Покрытый мягким пухом...* и 2. *Очень мягкий и легкий...* [9, с. 634]). В контексте словоупотреблений в романе актуализируются одновременно несколько значений, в том числе и не отмечаемых словарями и возникающих ассоциативно. Например, *«Где-то во дворе, в снежной меховой темени раскатился молодой кокетливый смех, что-то неразборчиво произнес высокий женский голос, ему в ответ громко ответил мужчина: «Да что ты понимаешь в кобласных обрезках!» – и затем, просеиваясь сквозь невнятные смешки, морозный скрип и обращенное к кому-то приветливое «Драс-сь!», – голоса удалились под арку и там были затоптаны тишиной...»* [10, с. 89]. Два определения, *снежная* и *меховая*, связаны сходством на основе общих признаков 'мягкость' и 'пушистость' и относятся к определяемому *темень*, характеризуя пространство, лишенное света, заполненное снегом и наделенное его свойствами (*снежная*), среди которых особо выделена пушистость (*меховая*). В таком пространстве нет света и мало воздуха, оно становится густым, плохо проницаемым, как частое сито. Звуки не распространяются легко, они смешиваются, *просеиваются* одни через другие, являются *невнятными*. Тишина становится плотной, из мягкой – агрессивной, она затаптывает, уничтожает звуки, поглощая всё. Эту тишину *«...вдруг резко и коротко пробил звонок входной двери»* [10, с. 89], пробивать нужно только что-то очень плотное, твердое – контекст дополнительно усиливает сему плотности тишины тёмного зимнего пространства. Все повествование построено на метафорах, которые создаются своеобразными перевертышами: топчут снег – топчут звуки, топчут снег ногами – тишина топчет. Такое впечатление, что, попав в вихрь метели, все закрутилось и перемешалось в воронке. Зима (метель) все закручивает, путает, но в итоге расставляет по местам – человек (герой) разбирается в себе и в жизни. В этом видится продолжение традиции пушкинский “Метели” – знака и проводника истинной судьбы. У Пушкина это передается сюжетом, событиями, а у Д. Рубиной переносится в рефлекторный, понятийный, интеллектуальный план (именно в страшную сахалинскую метель осознает герой свою жизнь, о чём и пишет в длинном письме другу) и выражается, в частности, в сочетаемости и, в итоге, множестве метафор. В конце главы, через несколько абзацев, уже другим, пражским, зимним вечером происходит еще одно превращение: звуки (голос, шутки) призваны *затоптать* тревогу. – *«Приехали, слава богу, - сказал он, расплачиваясь с таксистом, стараясь удержать в голосе ироническую улыбку, очень стараясь не смотреть на Лизу, не следить за ее лицом, шутить, шутить, затоптать тревогу...»* [10, с. 91], – так глагол *затоптать* объединяет зримый, чувственный и эмоциональный миры героев в цельные художественные образы. Синтез звукового и тактильного признаков подчеркивает и яркое воспоминание: *«... недавний самарский двор с такими же прямоугольниками освещенных окон, с хрустящим снегом под ногами...»* [10, с. 295].

3. Каждый звук оказывает на читателя «эстетическое, содержательное, смысловое воздействие» [7, с. 100]. Звонкие звуки зимней стихии становятся особенно ясным, прямым средством конкретизации образа зимы: *оглушительный, оглохший, вой, всплеск, свист, скрип*. Необходимо отметить особую роль лексемы *шорох*. Свет погас, стало тихо. Лишь зимние вечерние шорохи. *«И (Лиза) вдруг сорвалась с места, ринулась к шкафу, распахнула его и стала сметать на пол все, что было на полках. Оттуда вываливались папки с чертежами, какие-то заготовки масок из папье-маше, пластиковые коробки с*

звездочками... Все гремело, стучало, шлепалось, шелестело... Несколько секунд она стояла посреди этого разгрома, потом, так же молча, летучим шорохом обежала весь дом, срывая покрывало с кровати...» [10, с. 94]. Лиза, которая громила квартиру в поисках куклы Элис, в темноте продолжала молча метаться по квартире, натыкалась на мебель: «И разом оглушила их глубокая, полная зимних шорохов тишина, в которой она заметалась летучей мышью, натыкаясь на мебель, но по-прежнему не издавая ни звука» [10, с. 94]. Среди грохота, создаваемого Лизой, она одна бесшумна, шум исходит от падающих предметов, сама Лиза передвигается *летучим шорохом*. Она созвучна звукам природы, шорохам зимнего вечера, а пугающий её страшным двойником мир враждебно грохочет. Зимний вечер, естественная среда на стороне Лизы. Однако в этом шорохе есть что-то пугающее, зловещее. Но её буйство заканчивается, и когда Лиза успокоилась, «... когда все умолкло, где-то в огромной пустоте оборвался и по водосточному желобу мягким шорохом прокатился снежный ком...» [10, с. 95]. Лиза не нашла в квартире ничего для себя страшного, камень с души упал – как мягкий снежный ком скатился... Зима поглотила и эти звуки – погрома, устроенного Лизой, смягчила, забрала и укатила снежным комом прочь страдания молодой женщины. На фоне тихого зимнего пейзажа низкочастотный звук *шорох*, демонстрируя напряжённость, драматизм отношений персонажей, ассоциируется с чем-то загадочным, печальным. Шорох становится знаком умиротворения после громкой драматичной сцены.

4. Лексемы *бесстрастно, грозно, грозный, голодный, дикий, суровый, ужасный* вызывают у человека негативные коннотации. Лексема *бесстрастно* говорит об особом равнодушии, и как следствие, беспощадности и жестокости природы, которой нет дела до страданий и смерти человека. Лексемы, номинирующие насилие и агрессивность, опасность зимы, метафоричны: *кулаки, лезвие*. «...он (Петя) ...заглотнул целую стаю бритвенных лезвий в морозном воздухе» [10, с. 295]. Для обозначения мощности и беспорядка, хаоса зимы (снега, метели) автор, используя лексемы *густой, мегатонна, миллиарды, пелена, рой, стена, толща; летящий, мельтешия, мятущийся, слепой*, открывает читателю проявления могучих сил зимней природы: «<...> Но все кружит и кружит за ним белый зверь, сам себя за хвост ловит, выдыхает миллиарды крошечных комочков...» [10, с. 380]. «Он (Петя) вынырнул из снежной мельтешины - маг? дьявол?» [10, с. 399].

5. Интересно отметить, что цветообозначение «белый» используется как доминантный признак зимних стихий не самостоятельно, а в составе фразеологических и метафорически словосочетаний. Белое зимнее зрелище открывается с помощью словосочетания: *белые мухи, белая сволочь, белый зверь*. Образ снега отражён в следующем метафоре: *крахмальная крупка*. «Я (Боря) даже впал в какой-то тихий экстаз и готов был ехать и ехать, потому как мало что видел в жизни красивей этих притихших апостолов, ... этих куполов, колоколен и башенок, что увязли по уши в искрящейся под фонарями и прожекторами крахмальную крупку, проникающей в складки мраморной тоги любого из молчаливых обитателей пражских крыш...» [10, с. 398]. Лексемы *белесый, блекло-серый, пепел* (пепельного цвета, сероватый), *серо-молочный, серый* обозначают “лишённый яркости, цвета зимнего неба”, нейтрально используются для описания зимней погоды Берлина, Праги и Самары. Синеющий – о вечернем морозном воздухе, со снегом, инеем. *Новое нереальное обличье* зимы Праги отражают неповторимость индивидуально-авторского восприятия мира. В поэтическом восприятии *синеющий* связан с морозной мглой, *снег* вызывает ассоциации с белым цветом: «Прага внизу возникла в новом нереальном обличье: Прага была в снегу, и вся вихрилась, вздымалась на ветру; все ее купола и шпили, высокие скаты черепичных крыши, все церковные шлемы и флюгера, все ее святые, мадонны и архангелы, тяжелые навесные

фонари в кривых и тесных ущельях улиц – все таяло в стремительно синеющем морозном дыму» [10, с. 91]. Лиловый воздух – это зимний вечерний воздух. Воспоминания Пети сопровождаются именно зимним пейзажем: «Петя молча глядел на желто-оранжевые заплатки окон в лиловом воздухе замкнутого двора и вспоминал другой, недавний самарский двор с такими же прямоугольниками освещенных окон, с хрустящим снегом под ногами...» [10, с. 295]. По сравнению с вышеупомянутыми цветами, синие и голубые цвета, определяющие свет молний на Сахалине, вызывают безотрадную грусть и навевают мысли о прошлом: «Я (Петя) и сейчас сижу с зажженной свечой, в прозрачной от снега за окном темной кухне, что скользит в толще слепой метели, как подводная лодка – в какой-нибудь Марракотовой бездне; на столе – книга, и голубые молнии вспыхивают на ее невозмутимых страницах» [10, с. 335]. «Книга открыта, но спроси меня о названии, о сюжете – я не отвечу. Я снял ее с полки, не глядя на имя автора. На ее развороте вспыхивает и вспыхивает нестерпимыми синими зарницами моя убийственная тоска. Эта мускулистая скользкая тварь, этот змей, пожирающий мое несчастное нутро, носит разные имена: мама, Ромка, Бася, Казимир Матвеевич... И главная, огнедышащая, высоко и грозно восставшая надо мною вина: Лиза» [10, с. 335]. Молнии на фоне белого снега кажутся синими (голубыми). Свет молний из окна падает на страницы книги. Свет от молний связан с состоянием Пети. Это говорит о чём-то важном, о важных моментах в жизни, передает особенное состояние напряжения духа Пети. Синие холодные пронзающие пространство молнии – как тоска, пронзающая его душу. Молния похожа на змея – таково развитие метафорического образа.

6. Другое настроение создаётся семантикой слов при упоминании зимнего праздника Рождества Христова и продуктов, которые связаны с временем веселья, особым запахом и источником энергии. Праздничное зрелище и настроение проецируются на внутренний мир персонажей: «В морозном воздухе над этими вертепными деревеньками прорастали, свиваясь в пахучие сети, пряные запахи корицы, гвоздики, жареного миндаля; и горячий пар глинтвейна – лучшего в мире горючего для замерзшей утробы – возносился к войлочным небесам» [10, с. 254].

7. В романе представлены разнообразные движения зимней стихии. Автор буквально олицетворяет снег (метель), представляя его как живое существо, смертельно опасное, угрожающее разрушением и насилием: *валить, набрасываться, обрушиваться, повалившийся, пожираться, разваливаться, раздирать, рухнуть*. «Я (Петя) нигде не видал столько снега. Он набрасывается и пожирает все на своем пути: скамейки, столбы, подворотни, заборы и крыши, переметает дома и идущие на север составы» [10, с. 334]. В некоторых случаях зима наделяется более обычными человеческими состояниями или действиями: *выдыхать, встать, танцевать*. Отметим, что снег совершает действия, обозначающие 1) круговое движение: *вертеться, виться, кружить*; 2) заполнение снегом пространства: *забиваться, заваленный, заваливаться, заполненный, запорошенный, засыпанный, наметать, обволакивать, переметать, посыпать, сыпаться*; 3) активное движение, связанное с отсутствием определенного направления: *мельтешня, метаться*: «Он (Петя) молча шагнул внутрь и пошел, не оглядываясь, под низким глубоким сводом темной арки, выходящей в замкнутый со всех сторон аквариум двора, где густым бестолковым роем металась пленные снежинки и где в углу темнела дверь их жилища, словно бы в ожидании, когда наконец ее отпрут эти молчаливые двое» [10, с. 92].

8. В Праге в мастерской Тонды при слабом свете зимнего солнца (*стылый зимний свет, зимнее солнце, вялое солнце, тусклый блеск*) проявляются детали куклы Корчмаря, которых Петя раньше не заметил при нормальном освещении. Свет – сияние в зимней тьме. Мистический и детективный сюжеты с давно утраченной родильной куклой переплетаются: «В этот миг произошло следующее. Неизвестно по какой причине –

может, все от того же дребезжащего по улице трамвая, – Корчмарь съехал по стене и завалился на спину. И с того места в коридоре, где стоял, уже одетый, Петя, открылось то, чего прежде не было видно: вялое солнце, на миг заглянувшее в комнату, одинаковым тусклым блеском высветило и медный мундштук трубки, зажатой в кулаке Корчмаря, и медное кольцо в глубине его рта» [10, с. 180]. Так зимнее солнце, слабое, невыразительное, одинаково и бесстрастно освещающее всё вокруг, помогает герою увидеть истинное объективное положение дел, раскрывает тайну, секрет, который не могли разгадать два опытных зорких человека, разглядывавших Корчмаря долгое время. Зимний свет может скрывать предметы в вечернем воздухе, поглощать звуки и в то же время неожиданно высвечивать правильный путь, когда герой уже не ожидает этого. Свет зимнего солнца – проводник высших сил, которые открывают в нужный момент тайны человеку, независимо от его воли и усилий. Это добавляет особый штрих к образному портрету зимы.

9. Эмоциональное восприятие зимы является ключевой доминантой восприятия зимней стихии в романе. Обострённое эмоциональное состояние Пети больше всего связано с Сахалином, куда он вернулся, чтобы похоронить маму. На остров обрушивались небывалые метели. Сахалин – понятие непостижимое, заключающее множественные непреодолимые силы: «Я (Петя) заперт, Борька. Я в плену у метели... Вторые сутки на острове дикая свистопляска обезумевшей снежной стихии. Закрыт аэропорт, Сахалин отрезан от материка и замер, погребенный под мегатоннами снега» [10, с. 333-334]. По вине Ромки (отца Пети) Петя вырос на Сахалине. Сахалин для семьи Уксусовых – наказание: Ромка «... из благодатного Львова попал на Сахалин, – через драку» [10, с. 98]. Преставление Сахалина в тексте романа не сводится к простому описанию. Зимняя стихия существует не только в природе, но и в душе, памяти, чувствах персонажей. Человек оказался в некоем тупике. Ромка теряет руку: «<...> зима, метель, видимость – ноль, машина (военный бортовой ЗИЛ с тентом) застряла в снегу, и вдвоем с сослуживцем они пытались ее откопать. Сослуживец не слишком усердствовал, предпочитая давать советы, Ромка полез того учить «по-нашенски»: дал раза в морду, потерял равновесие, рухнул в снег... и тут болван-солдатик за рулем резко сдал назад» [10, с. 98]. Экстремальные климатические условия превращают человека в беззащитное существо: «Конец света я (Петя) всегда представлял себе в грозном обличье здешней вьюги. Суровый сахалинский Босх дирижировал моими детскими снами, в которых я мучительно пытался преодолеть этот вой, этот вихрь, смертельную воронку белой всасывающей пасти» [10, с. 334]. Зима, её стихийные силы предстают здесь в образе великого художника эпохи Возрождения, известного картинами религиозной тематики. Наиболее сопоставимы с образом смертельной воронки из представлений маленького Пети полотна Иеронима Босха «Страшный суд» и «Вознесение праведников». Его имя отсылает читателя к иррациональным, в чем-то пугающим образам. Так метель, смертельная воронка белой всасывающей пасти из детских снов Пети – не просто опасная стихия, которая может убить. Это мистическая могучая сила, непостижимая и неподвластная человеку. Она определяет не только его земную судьбу, но и вечную. Праведники на картине Босха уходят в воронку между мирами, прощенные души в романе Д. Рубиной кружатся снежинками в вихре вьюг. В описаниях потустороннего мира снег выполняет особую роль, преодолевая разлуку души с телом: «Она (Метель) стоит бесшумной стеной – миллиарды прощенных душ, и среди них – мой сын, что родился со смехом на лице и отказался всю жизнь его носить...» [10, с. 382]. «Вдруг (Петя) вспомнил, что летящий снег он (Ромка) называл «прощенными душами». Вон, говорил, прощенные души летят... В детстве мне казалось, что он различает в устройстве мироздания что-то такое, чего не различают остальные» [10, с. 336]. Таково видение мира Ромки. Петя подумал, что отец знал что-то, чего он, Петя, не знает. В культурах есть представление о том, что души умерших – это

птицы (снег тоже летит), белые птицы (снег тоже белый), есть представление, что человек перевоплощается – может быть и в снег. Здесь мы понимаем важность образа снега, метели для автора. Это связь между мирами, нечто важное в устройстве мироздания и связях между персонажами, между родными душами. В продолжение традиций русской литературы, волею метели, соединяющей предназначенных друг другу героев, снежная стихия у Д. Рубиной сопровождает их на путях не только осознания земной жизни, но и посмертного определения.

10. Следует отметить, что образы зимы соотносятся с топонимами. Географический признак зимы не только открывает читателю видение зимней природы, но и способствует раскрытию внутреннего мира автора и героев. Зима Праги может стать объектом выражения авторских эстетических интенций: *«Говорят, в этом году в Европе зачарованно – снежная зима. ... Сколько я не был в Праге?»* [10, с. 61]. *«Прага внизу возникла в новом нереальном обличье: Прага была в снегу <...> все таяло в стремительно синеем морозном дыму»* [10, с. 91]. В Праге Петя сам становится его частью зимнего пейзажа: *«Всю ночь валил оглушительный снегопад, и сейчас за глубоким черным окном во дворике простерся дракон с цепью пухлых горбов, желтоватый от тихого света из комнаты. Там, за стеклом, в мельтешении снежных слепней, в хороводе призрачных кукол двигался призрачный Петя с туркой в руке»* [10, с. 162]. Это подчеркивает близость образов зимы и героя, их внутреннее единство, принадлежность Пети двум мирам – реальному – и призрачному, зимнему, переходному.

Глагол *танцевать* характеризует зиму Иерусалима – время веселья: *«...уже вертелись, крутились винтом, танцевали мягкие белые мухи. Да неужто снег? Вот радость местным детишкам – если, конечно, он летает еще с полчаса»* [10, с. 333]. Тихий зимний пейзаж в Самаре созвучен настроению героев: *«Лиза сидела за его спиной, молча разглядывая унылые, заваленные снегом поля, и дачные массивы...»*. Взгляд Петя-кукольника на снежное пространство выявляет особенности восприятия героем окружающего мира: *«... под глухим белесым небом гипсовыми заготовками тянулись головы, плечи, груди, прочие округлости и части гигантских продолговатых тел пространства навеки застывшего снега»* [10, с. 64]. Так Петя «присваивает» зимний пейзаж своим видением кукольника, превращающим сугробы в силуэты сотворённых им кукол.

Зимний Сахалин в романе получил чрезвычайно яркую, эмоционально экспрессивную, семантически насыщенную интерпретацию. Это гиблое место, забытый мир: *«Я (Петя) нигде не видал столько снега. ... Он валит, валит огромными, сбитыми, слепленными воедино кулаками – никаких не снежинок, тут не место привычной зимней идиллии; это похоже на паническое бегство потустороннего войска, на разрушение, на распад самого мира. Он разваливается на куски, этот мир – его небо, его вещественная суть; распадается омертвевшая, оледеневшая гнилая плоть и, подхваченная ураганом, уносится прочь в хаос Вселенной...»* [10, с. 334]. А. Н. Иванова отмечает, что «Ядро мифопоэтического пространства Севера описал еще М. В. Ломоносов: “Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном”. Оно дополняется иными смыслами: «край земли», «край света», место гибели, страданий, ссылки, каторги, мучений и гибели. И характеризуется дилеммой «жизнь - смерть». Общим в сибирском тексте является мотив смерти. В жизни на Севере видится смерть (вспомним «Записки из мертвого дома» Ф. М. Достоевского)» [5, с. 68].

Наряду с этим, важно обратить внимание на следующее. При всем своеобразии изображения географических объектов прослеживаются дословные совпадения в их описании. Из Самары герои прилетают в Прагу, но кажется, ничего вокруг не меняется [см. выше с. 9, с. 89, с. 91 и с. 295] – тот же вечер, во дворе дома та же арка, плотная

снежная тишина, в которой не слышны звуки (*в снежной меховой темени*) и вечерний морозный воздух, где не видны предметы (*в стремительно синеющем морозном дыму*). Так же и в окне квартиры Тонды – тот же двор (*стакан – аквариум*), то же беспорядочное мелькание снежинок. Зимний двор, зимний пейзаж и ощущения везде одинаковы – как неизменны проблемы героев. Они существуют в одном пространстве – в собственном внутреннем мире, мире их взаимоотношений – неуютном, душном, тяжелом – темном и глухом, где один не может или не хочет услышать другого, в неопределенности и слепоте снежной круговерти, в сумерках зимнего вечера. Зима является внутренним пространством героев, метафорой их душевного состояния.

Заключение

В данной работе было выявлено ЛСП «Зима» в романе Д. Рубиной «Синдром Петрушки». Концепт «Зима» является одним из важных элементов, позволяющих понять ключевые составляющие авторского кода и психологическое пространство личности героя. Анализируя связанные с зимней стихией лексемы, мы выделили десять семантических наполнений. Выразительность концепта «Зима» в романе частично создается за счет метафор, сравнений и олицетворений. Необходимо отметить, что границы микрополей лексико-семантических групп не замкнуты, а открыты и взаимопроницаемы. Лексико-семантическое поле «Зима» как важный фрагмент данного романа имеет свои специфические черты. Своеобразие личностного восприятия зимы автором проявляется в особом функционировании лексем, которые обладают разными масштабами восприятия.

References:

1. Anisimova N.V. (2009) Russkaya meteorologicheskaya terminologiya v istoricheskom aspekte // Problemy kontseptualizatsii deystvitel'nosti i modelirovaniya yazykovoy kartiny mira: sb.nauch.tr. Vyp. 4 / Sost. otv. red. T. V. Simashko. M., Arkhangel'sk. p.502.
2. Afanas'yeva L.V. (2016) Leksiko-semanticheskoye pole kak lingvisticheskoye ponyatiye: [preprint] // Suchasni problemy hermans'koho ta romans'koho movoznavstva: Mezhdunar. nauch. - prakt. konf. (15 kvitnya 2016 r.) Rivne. p.115-120.
3. Belyanina YA.P. (2017) Geoekologicheskaya otsenka landshaftov yugo-vostochnoy chasti ostrova Sakhalin: Avtoref. dis. na soisk. uchen. stepeni kand. Geoekologiya. Moskva. p.23.
4. Goryacheva T.B. (1979) Zametki po etimologii russkoy narodnoy meteorologicheskoy terminologii. v kn.: Etimologiya-1977. M.: Nauka, p.102-109.
5. Ivanova A.N. (2018) Sibirskiy tekst v romane Diny Rubinoy «Sindrom Petrushki» // Nauka i obrazovaniye segodnya. № 5 (28). p. 68-72.
6. Kas'yanova V.M. (1984) Russkaya meteorologicheskaya leksika (istoriya i funktsionirovaniye): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Akad. ped. nauk SSSR. Nauchno-issled. in-t prepod. rus. yaz. v nats. shkole. M. p.17.
7. Lomonosov M.V. (1952) Polnoye sobraniye sochineniy: v 10 t. T.7. M.; L.: AN SSSR. p. 997.
8. Maslova V.A. (2005) Kognitivnaya lingvistika. Minsk: TetraSistems. p. 256.
9. [Ozhegov S.I., Shvedova N.YU. \(1997\) Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy/ Rossiyskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. 4-ye izd., dopolnennoye. M. Azbukovnik. p. 944.](#)
10. Rubina D.I. (2015) Sindrom Petrushki. M.: Eksmo, p. 432.
11. Chemercheva A.A. (2006) Narodnaya meteorologiya: pover'ya, obryady i terminologiya: etnolingvisticheskiy aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tambov. p.18.
12. Shvedova N.YU. (2011) Russkiy ideograficheskiy slovar' / Razdel II / Vremena goda / Zima. Russkiy ideograficheskiy slovar': Mir cheloveka i chelovek v okruzhayushchem yego mire (80 kontseptov, odnosyashchikhsya k dukhovnoy, mental'noy i material'noy sferam zhizni cheloveka) // Otv. red.

akad. RAN N. YU. Shvedova; RAN, In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova. M. p. 1032. URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5538> (Accessed: 15.10.2021).

Information about the author:

Wang Yi-Chun (Taipei, Taiwan) – Ph. D. in literature, Associate professor, Associate professor of Department of Russian Language and Literature, Chinese Culture University.

E-mail: dorochka.w@gmail.com

Acknowledgements:

I express my deep gratitude to the team of editors for providing full support in editing and publishing my article. The special thanks to Middlebury University, in person, Professor Thomas Bayer and Prof. Monica Perotto, Bologna University, Bologna, Italy.

Contribution of the author. *The work is solely that of the author.*